

Р2 > 16 2016

Ш51 ВЛАДИМИР ШЕСТЕРИКОВ

Катер на
Ишиме

Форма № 10

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

Книга должна быть возвращена
не позднее указанного здесь
срока

Количество предыдущих выдач

15 III-180

17.4.1986
00

2016

Р2
W51

ВЛАДИМИР ШЕСТЕРИКОВ

КАТЕР
НА
ИШИМЕ

1
1-5387

Булаевская
централизованная
библиотечная система
г. ЦУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖАЛЫН»
Алма-Ата — 1979

АБСТ. МЕНТ

Р 2
Ш 51

Шестериков В. Г.
Ш 51 Катер на Ишиме.— Алма-Ата: «Жалын», 1979.— 72с

Петропавловский поэт Владимир Шестериков уже знаком читателям. Он — автор нескольких поэтических сборников.

«Катер на Ишиме» — книга-размышление о казахстанской земле, ставшей для поэта Родиной, о трудном военном детстве и ответственности перед новым поколением.

Ш 70303—80
408(07)79 — 225—79

(С) Издательство «Жалын», Алма-Ата, 1979

Р 2

В СТЕПИ

Предгрозовая тишина,
Когда и лист не шелохнется,
Когда душа напряжена,
И ей никто не отзовется.
Но все обманчиво вокруг,
Я весь предчувствием наполнен,
Сейчас глаза открою вдруг
И — грянет гром,
И вспыхнут молнии.
От ветра листья задрожат,
Земля притянет травы с силой,
Ах, если б стрелами дождя
Гроза бы степь тогда пронзила.
Не затвердеть ей от копыт,
Над лугом не вихряться осам...
Есть солонцы у нас в степи,
Которые не плодоносят.
...Но травы жесткие растут,
Храпят стреноженные кони,
Да зорким беркутом пастух
Все вдаль глядит
Из-под ладони.

СУХОВЕЙ

В край берез

и край лихих буранов

С давней, незапамятной поры

Шествовали важно караваны

С грузами из дальней Бухары.

Путников жег зной,

хлестали ветви,

Как чалма, клубились облака...

А еще с собою

знойный ветер

Завезли купцы издалека!

Задохнешься — только он повеет

Огненным дыханьем на поля.

От объятых знойных суховеев

На куски потрескалась земля.

Обжигая все на белом свете

Желтоватым пламенем песка,

К нам доносит азиатский ветер

Сладковатый привкус кизяка.

Кажется,

что жалобно на улице

Плачет одинокая зурна,

И осколки солнца мне почудятся

В жарких слитках страдного зерна.

Но мгновенно вспомнится о снеге,

Если в край свой возвратится в срок

Где-то совершающий набеги,

Северный свирепый ветерок.

СТАНЦИЯ ДЕТСТВА

За окошком — травы росные
Да березовый родник...
Слышу:
 «Станция Зарослое»—
Объявляет проводник.
Ну кому сказать спасибо,
Что, неброская на вид,
На больших путях Транссиба
Эта станция лежит.
 Никакой другой на свете
Я за эту —
 не отдам,
Строго девушка в берете
Семафорит поездам.
Замечаю с косогора,
Как просторы широки,
Как проходят мимо скорые
И гремят товарняки.
Может, именно отсюда
Той
 порой пороховой
Зачехленные орудия
Проплывали предо мной.
Марш играя в сорок пятом
На гармонике губной,
Мимо станции солдаты
С песней ехали домой.

Ликовали мы...
но только
Непонятно было нам,
Почему соседский Борька
Волю
горьким
дал слезам.
Что понять мы не сумели,—
Понял я в тот самый миг,
Как к продырявленной
шинели
Своего отца приник.
И теперь, хоть стал я взрослым,
Ни уехать, ни уйти,—
Всюду станция Зарослое
На моем лежит пути.
Я увидеть снова жажду
Дорогие мне края...
Видно,
есть всегда у каждого
Детство —
станция своя.

ЧЕРНЫЙ ЖАВОРОНОК

Всегда весной, я помню,
в дальнем детстве,
Лишь снег сойдет
и станет даль светла,
По старому обычаю
из теста
Нам жаворонков мать в печи пекла.

И, захватив их, в поле,
как на праздник,
Мы направляли весело стопы,
Казалось, рвутся птицы из-за пазухи,
Чтоб заливаться песнею в степи.

И птицы эти бывались, наверно,
И засветились песней, что есть сил,
Но только был у них один соперник,
Который их во всем превосходил.

Как будто струны колдовские тронув,
Взлетая к солнцу,
в голубой предел,
Волшебник добрый — жаворонок черный,
Как колокольчик, далеко звенел.

И все в степях бескрайних пенью радо —
От трав сухих
до рыжих кобылиц.

Ему по праву —
первая награда
На нескончаемом айтысе птиц.

Проходят дни, и снова ясным утром
Поет весной он в дымке голубой,
И эту песню солнечную спутать
Мы не смогли бы ни с какой другой.

И чтобы вновь сверкающая песня
Вспорхнула в синеву из-под руки,
Я мать прошу: «Пожалуйста, из теста,
Как в детстве, жаворонков испеки».

ТРАКТОР НА ПЬЕДЕСТАЛЕ

В степи,

Где пылил бензовоз,

Вдали от дорожных обочин,

Запряженный в тросы, он вез

Походный целинный вагончик.

И там,

Где полыни река

Вливалась в степное раздолье,

Он плуг за собою таскал,

Пластая на борозды поле.

С соломой на зубьях подошв,

С окалиной ржавой от зноя,

Тот трактор на танк был похож,

Рванувшийся в зарево боя.

Под залпы трубы выхлопной,

Сквозь жаркие хлебные битвы

Он шел по равнине степной

На свой пьедестал из гранита.

Был прочной закалки металл,

В который одели когда-то

И трактор целинный,

и танк,

Что в Прагу вошел в сорок пятом.

Смотрю — тормознул самосвал,

Водитель фуражкою машет

Железному другу,

что встал,

Над белым разливом ромашек.

У КРУТОГО ЯРА

О, город у кругого яра,
На склон ты входишь,
как на трон...

Как крепость, сдерживая ярость Столпы из камня и земли

Степных кочевников —

ветров.

Где в старину в иные страны,
Верблюды, словно корабли,
Горбы качая, в караванах
С поклажею нелегкой шли.
И солонцы белели вязко,
Коней засасывая в грязь...
Но почему-то верю — сказка
Здесь
У Ершова родилась

В базарной сутолоке тесной
Он шел, рядами ослеплен,
Сквозь белые чалмы и фески
Иных народов и племен.

И в ссылке,

с лямкою солдатской.

Сюда.

на самый край земли

Туманной площади Сенатской Зов —

декабристы донесли.

Шумели битвы,
грозы,
сечи...

С волненьем сквозь
сражений дым
С крутого яра Тухачевский
Смотрел на ледяной Ишим.
Нас всех, наверно, с детства манит
Эпох таинственная связь,
Шеренги строгих серых зданий,
Домов причудливая вязь.
Увидишь вдруг, как на
экране —
На яр крутой, как на редут,
С поклажей
кранов караваны
По древнему пути идут.

КАТЕР НА ИШИМЕ

И синий ветер не расскажет,
Как он за дальний окоем
Тянул медлительные баржи
С дровами,
хлебом
и песком.

Как, обдуваемый норд-остом,
Трудился верно,
на износ,
И вот железный ржавый остов
Истертым килем в берег врос.

Здесь,
на реке,
в закате розовом,
В полынной горечи полей,
Он для мальчишек стал прообразом
Военных русских кораблей.

И представляется в потемках
У засыпающей реки:
На гулкой палубе «Потемкина»
Еще грохочут каблуки.

И у степного косогора,
Отвагой зарядив сердца,
Глядит орудие «Авроры»
На окна Зимнего дворца.

В подтеках, саже и заплатах,
В неторопливом беге волн,
Живет вторым дыханьем катер,
Осуществляя связь времен.
И где моя прошла босая
Неповторимая заря,
Теперь в грядущее бросает
Другое детство якоря.

ВЗГЛЯД ИЗ-ПОД ЛАДОНИ

Ах!

Хороша в степи отава...

— Ну как, чабан, она на вид?

А он, к глазам ладонь приставив,
Не отвечая,

в степь глядит.

Тот взор наметанный и верный...

За синей дымкой полевой

Он видит то,

чего, наверно,

Ни я не вижу,

ни другой.

Вобравший степь в себя бездонную

И затуманенный слегка,

О, этот взгляд из-под ладони,

В себя вмещающий века.

Спокоен он

и тверже стали,

И справедлив, как взгляд отца...

Так в древности, наверно, ждали

С вестями добрыми

гонца.

А день по-прежнему приветлив,

Ни туч,

ни грохота копыт...

Лишь словно всадник,
мчится ветер
И пыль дорожную клубит.

Как облака, плывут отары
К ногам,
что вдеть в стремена...
— Да, хороша в степи отава,—
Качнулась шапка чабана.

Булаевская
централизованная
библиотечная тема

1-ЦД

Задаем себе вопрос
мы трудный,
Как сто лет назад,
так и сейчас:
— Что же все-таки когда-то будет
На планете нашей после нас?
И уходим тихо и незримо
В отблеск волн,
в ночной грозы раскат...
Только птицы пролетают мимо,
Как и сто,
как тыщу лет назад.

И сколько тайн в степных просторах,
Здесь, словно вековая боль,
Хранится в дремлющих озерах
Седая быль,
седая соль.

И, как снега, они не тают...
Но рвется руль из-под руки,
Когда машину завлекают
В глухую степь солончаки.
Ты слышишь, где-то за увалом
Кольчуга времени звенит.
И пыль эпох всех не примяла
Следов воинственных копыт.
И кажется, кривые сабли
Поднимут, слыша предков зов,
Вот эти каменные бабы
С глазами древних мудрецов,
Здесь было гроз,

сражений столько,
Что из мечей мы рождены...
Вода в степи бывает горькой
И даже ветры солоны.

ПЯТЫЙ ОКЕАН

Аскеру А — ву

Склонились низко пять голов
Над голубою картой мира,
В которой пять материков,
А океана лишь четыре,
Не потому ли с той поры,
Флажками карту всю истыкав,
Хотели пятый

мы открыть,

Величиной не меньше Тихого.
Но только позже,

друг Аскер,
Его с тобою мы открыли,
Не в океанский ли размер
Вместился наш простор целинный!
Открыли степь,

где — ни леска,
Немерянные километры,
Наш старый газик полоскал
Тугой, как парус,

тент под ветром.

А вдоль полей и вдоль лугов
На кузовах, зерном наполненных,
Плескались крылья пологов,
Как на валу девятом волны.
Стояла знойная пора
И упливала степь куда-то...

Как белый сказочный корабль,
Из дымки вырос элеватор.
И было странно, почему,
Когда близка громада башен,
Чем ближе двигались к нему,
Тем он отодвигался дальше.
Казалось,
От могучих стен,
Которые в безбрежность манят,
Привольно расплескалась степь
Огромным пятым океаном.

В ТРИДЕСЯТОМ

Пусть ветер колючий неласков,
Покинув родимый порог,
Как в той, незапамятной сказке,
Стою у развилки дорог.
...А выюги кащеями свищут,
Поют про удачу Емель...
Но мы ничего не отыщем
За тридевять с лишним земель.
И все ж, спотыкаясь о камни,
Сквозь лес,
 что дремуч,
 напролом,
Не вправо,
• не влево,
 а прямо
Упрямо идем и идем.
В пути том — то грома раскаты,
То столб верстовой, то река...
Я где-то уже в тридесятом...
Все ближе уже к сорока.
Но только забрезжат зарницы,
Я в утро иду налегке...
И солнце, как будто жар-птица,
Горит и горит вдалеке.

С радостью щемящей или болью,
Смешанной с ветрами пополам,
Побродить бы мне во чистом поле
По зеленым ласковым шелкам.

Зажигая серебром осоку,
Отоньком таинственным всегда
В изголовье у небес высоко
Вспыхивает ранняя звезда.

Постою я тихо у тревожной,
За ночь остывающей воды
Вдалеке от взглядов осторожных —
Спутников ненастяя и беды.

Ничего со мною не случится,
А случится — будет вечно степь
Светом звезд в высоком небе литься,
Травами печально шелестеть...

ГУСИ

Выгибая царственные шеи,
Призывали криками они
Вместе с ними разделить лишенья,
Миг полета,

кочевые дни.

Улетали вдаль единой ратью,
Землю оставляя под крылом,
Ну а их домашние собратья,
Гогоча, ходили за селом.

И свое предчувствия
бессилье,

Полететь за ними не могли...
Можно жить,

иметь для взлета крылья
И не оторваться от земли.

Не дрогнула охотника рука,
И ахнул залп по птицам перелетным,
Как лебеди, умолкли облака,
Поплыли медленно полей полотна,
Упала песня алая на луг,
Забила зябко крыльями рассвета,
Но только в песне был совсем не юг,
А маленькое северное лето.
Вошли, как вечность, в тот безмолвный крик
Поля, луга, речушка с бродами...
Каким коротким был последний миг,
Какой большой и необъятной —

Родина!

СТРОЧКА

В этом мире
нет богатства лучше,
Начисто лишенного хлопот,
Чем мое —
пластмассовая ручка
Да потертый маленький блокнот.

Полонящий душу и окрестность
Посвист ветра,
шорох синих трав,
Сводные весенние оркестры
Птиц,
с ума сводящие с утра.

Все при мне —
и песня в поднебесье,
И в широком поле дальний след,
Яблоня, что в мае,
как невеста,
Излучает негасимый свет.

И удачи все,
и неудачи,
И огонь души,
и снов полег,
Разве я не становлюсь богаче,
Если строчка в сердце запост.

Пусть ишу ту строчку,
что ни день я,
Радуясь добру,
противясь злу...
Я не жадный,
и свои владенья
С каждым,
кто захочет,
разделю.

ЗАКЛИНАНИЕ

Когда я до того продрогну,
Что хоть тут плачь и хоть кричи,
Ты освети мою дорогу
Зовущим огоньком в ночи.
Мигни неясно и тревожно,
Чтоб снова мне сто верст пройти...
Ты где-то видишь сны и все же —
Стань огоньком в моем пути.
Стань огоньком, когда на улице
Свирепый ветер валит с ног,
И пусть на миг тебе почудится
Тревожный, тихий стук в окно.
Тревога эта будет ложной,
Но чтобы мне сто верст пройти
В пурге слепящей,— если можно,—
Стань огоньком
в моем пути.

СИНОПТИКИ

В природе все наоборот,
Чем в сводках...

Скоро обнаружится,
Там лютым севером дохнет,
Где обещали ветры южные.

То зной колючий, хоть и ждешь
С надеждой тайною и сладкой,
Что на поля прольется дождь,
Но нет обещанных осадков.

Кому-то вовсе не в укор
Я адресую эти строки:
Гадай всему наперекор,
Чтоб быть всевидящим пророком,

Чтоб различать добро и зло
Там, где порой бессильна оптика...
...Как сводок Совинформбюро,
Ждем сообщения синоптиков.

ПОСЛЕДНИЙ СНОП

Напоследок захватив душистый,
Словно мед,
янтарный хлебный сноп,
Не спеша идет по полю чистому
В телогрейке старой хлебороб.
Знает —

будет нынче хлеба вдоволь,
Будут пышны калачи в печи,
По-хозяйски в поле заскирдованы
Солнечные теплые лучи.

Знает —

никакой не страшен бой нам,
Если в поле,

где ты не ступи,
Будет вечно

с полною обоймой
Колос, созревающий в сте́ни.

КЛАССИКИ

Тот чертеж — заколдованный круг
На асфальте, начертанный мелом,
Пропусти меня, юный друг,
В недоступные мне пределы.
А в ответ — изумление глаз,
Мол, для шуток сейчас не время.
И не примет меня в свой класс
Озорное
ребячье племя.

Да еще мне могут сказать,
Что сюда, мол, ходить не надо.
И еще:

несолидно скакать
По квадратам — взрослому дяде.
И не дрогнет душой ни один,
Да прохожий сурово заметит:
«Лишку ты хватил, гражданин,
Разве можно проситься в дети!»
Вот чудак! В этот миг и час.
Это ж мы,

озорные мальчишки,
По квадратам
из класса в класс
Убегаем из детства вприпрыжку.

ГОРЬКАЯ ЛИНИЯ

Вот он, ветрами продутый,
Горький полынnyй простор:
Цепь крепостей и редутов,
Ряской поросших озер.
Только мне стоит забыться —
Вижу:

на алый закат
Целят зрачками бойницы,
Долы булатом звенят.
Пыль поднимается,

конница
Скрылась в неясной дали,
...Как здесь осока колется,
Словно мечи проросли!
Давние эти былины
Деды до нас донесли,
Те, у кого горькой линией,
Складки у рта пролегли.

КУКУШКА

Березняк,
простор,
опушка,
Где пророком на суку
Счет годам ведет кукушка
Замирающим ку-ку.
В том лесном неясном шуме,
В милой сердцу стороне,
Погадает пусть вешунья,
Сколько жить осталось мне.
И ничуть не будет жалко,
Если, свой затеяв счет,
В серых крапинках гадалка
Вдруг прервется и солжет.
Все, наверно, ей прощу я,
Потому что много злей
Есть недобрые вешуньи,
Что живут среди людей.

ГУДЯТ ВЕКА ВЕТРАМИ ВЕЩИМИ

Марии Волконской

Гудят века ветрами вещими,
Метет метель белым-бела.
Мне видится в тумане женщина,
Что в ссылку вечную пошла.
Как в латы, в лед одеты руки,
Глухой дороги нет конца,
В ушах изгнанницы как реквием
Застыл державный гнев отца.
И уговоры бесполезные,
И крик безмолвный, как печаль...
Плынут полозья полонезами
В Сибирь,

в заснеженную даль.

О, эта отрешенность плена
В медвежьем сумрачном углу!
Пурга, как пляска пунша пенного,
Как всплески платьев на балу.
Снегов таинственных свеченье,
Огней мерцающих игра,
Всей жизни стоит отреченье
Во имя долга и добра.
Лишь только след саней поющих,
Снегов летящих серебро.
И на паркет блестящий

Пушкин

Бросает грустное перо

Н пусть давно уже настали
Новые дни и времена,
Но свет любви без испытаний,
Во все века она одна.
В ней все — и боль, и слезы жгучие,
И радость, и раскаты гроз...
И нас, романтиков, все мучает
Озин пронзительный вопрос.
Седой пургой запорошенные,
Идя на самый край земли,
Достойны ль мы, чтоб наши жены
Вот так за нами вслед пошли.

Что ты на прощанье мне сказала?
Не расслышал...
Шарф спадает с плеч,
Город начинается с вокзала,
С шумных расставаний,
Гулких встреч.

Нас уводят далеко от дома
Вечных странствий
непрестанный зов,
Реактивный гул аэродромов,
Сумасшедший ветер поездов.

Ты стоишь внизу, ломая руки,
Я вернусь,

ты только позови...

Город начинается с разлуки,
Город начинается с любви,

На восток — дорога...

И на север,

Мир кольцом крутых дорог
свело,

И хранят вокзалы,
словно сейфы,

Первый холод,
первое тепло,

Грусть и смех людей непосторонних,
Груз размолвок,

дальних весен путь..

Где же ключ от сейфа, тот, которым
Целый мир мы можем отомкнуть?

...В небе реактивный след

растаял,

Поезда уходят вдаль, трубя,

Город начинается с вокзала,

Город начинается с тебя!

ПОДКОВА

Сказали мне: найти подкову — к счастью,
И я, поверьте, это не забыл,
Но ни деньком погожим,
ни в ненастье,
Как ни хотел,
ее не находил.

Зато судьба подковами нас гнула,
И был изогнут, как подкова, путь,
А счастье только тех не обмануло,
Кто смог

ПОДКОВЫ ЭТИ
разогнуть.

Карнавал устраивает осень,

На него и мы приглашены...

Таким светом —

празднично высоким —

Волосы твои озарены.

Позириаясь вкрадчиво, по-лисыи,

Над большими сводами полей,

Собирает в стаю ветер листья

И уносит, словно журавлей.

А еще он. может быть, уносит

Все, что было,

Все, что не сбылось.

Шезро раздает сегодня осень

Золото больших кленовых звезд.

В эту пору — светлую отраду,—

Только станет желтый лист кружить,

Понимаешь, как беречь нам надо

Все, чем жили,

Все, чем будем жить.

Я не знаю, что со мной такое,—

То ли душу трогает мороз...

Только мне все не дает покоя

Факельное шествие берез.

Я боюсь, покоя не нарушив,

В тишину родных полей смотреть,

Так светло, как будто можно душу

У камина осени согреть.

ВСТРЕЧА

Все, как прежде, при встрече:
Вон мой тополь растет,
Вот разинул скворечник
В удивлении рот.
Только что-то мне словно
Показалось на миг:
Вислоухий подсолнух
Головою поник.
Как давно здесь я не был!
Здравствуй, дом мой родной!
Запрокинуто небо
В кадке с темной водой.
Взглядом пропасть бездонную
Не достать — велика.
Вот возьму и в ладони
Зачерпну облака,
Журавлиных порядков
Треугольную нить.
Удивишься, что кадка
Столько может вместить.
Эх, достать бы украдкой
Ключ от детства со дна.
Только что-то уж кадка
Нынче очень темна..
Тихо небо качается,
Кружит листья вода.
Вот и лето кончается
И грядут холода.

ВЬЮГА

Стоали за окном деревья,
Ни зги не видно.

Только мгла.

Вдруг снежная волна деревню
В глухую полночь понесла.
Потом все стихло,

вся округа

Спала, не ведая забот,
Но до сих пор меня

та вьюга

По свету белому несет.

ПОСЛЕДНИЙ КРУГ

Когда пойду на последний круг,
Не прошепчу: «Спаси!»,
Если у жизни в полете вдруг
Откажет в посадке шасси.
Брошу последний взгляд
На солнце,

на луг

и дом,

И... покачнется земля
Под рвущим небо крылом.
Вниз не успеешь взглянуть,
Где мы любили и верили
Дожить,

добежать,

дотянуть

В последнем вздохе пропеллера.
Прежде чем свет померкнет
И сложишь крылья ты,
К солнцу взвейся, как беркут,
И камнем —

ВНИЗ —

с высоты!

Нас вечно в странствия влечет,
Обняв в порыве, ветер хлесткий,
Грустит неведомо о чем
Степная русская березка.
И отправляясь в дальний путь,
Хочу из синевы бездонной
Немного неба зачерпнуть
И унести в ковше ладоней.
Кто мог рассыпать летом снег
На бесконечный луг ромашек?
И я стою, как будто мне
Здесь Родина косынкой машет.

РУССКИМ ЖЕНЩИНАМ

Война трубила дни разлуки...
И за околицей села
Они роняли молча руки,
Как птицы —
Два крутых крыла.
И ждали в будни,
Ждали в праздники,
И сколько ждать им впереди...
С каких же пор они повязаны
Крестами шалей на груди?

НЕОТРАЖЕННЫЙ СВЕТ

Шуршит сухой поземкой ветер.
Беззвучно безмолвье, тишина.
Да ртутной лампой в небе светит
В землю продрогшая луна.

■ Рыбой, плещущей на леске,
Экраном, вспыхнувшим в кино,
Заколдовала тайным блеском
В узорном инее окно,
Праздня мое воображенье...
Но видел я со стороны,
Что это только отраженье
Той, застекленной в ночь, луны.

Ах, этот свет! Он так обманчив,
Как в детстве радужные сны,
Как взор, холодный и незрячий,
Где блики дня отражены.

И в полумраке озаренном
Тревожит мысль одна меня,
Чтоб свет цветных гирлянд неона
Не заслонил бы света дня.

И начиная день свой новый,
Надеждой тайной я согрет,
Чтоб в каждой мысли, каждом слове
Горел неотраженный свет.

ТЕЛЕГРАММА

В небе точки с тире протянулись упрямо,
Из какой же далекой
чужой стороны
К нам, на север,
отбита была телеграмма
Телеграфом весны,
телеграфом весны?
Принимайте ее, города и деревни,
Пробуждайтесь, поляны, от снега и сна.
Мы всегда среди всех иероглифов древних
Различим журавлиные те письмена.
Что душою поймешь —
то не надо заучивать,
Провожая птиц взглядом, —
в высокий тот миг
Потому за полетом следим мы задумчиво,
Что понятны без слов заклинания их.
И осенией ненастной порой спозаранку
Мыходим,
чтоб снова на них посмотреть,
И стучит сердце вслед им печальной морзянкой
«Дорогие, до встречи!
Точка. Точка. Тире...»

Жалует ветер
на деревьях листья.

Письма.

Нестареющие письма...
Чу зечь так долго у себя храню?
Может, надо их давно предать огню?
Среди звей бегущих,

бундей,
быта

Все прошло...

Давно все позабыто.

Только скечь —

не поднимается рука

Что-то в них.

как будто на века.

Будто говорю я с кем-то близким.

— На дворе сжигает ветер листья.

ПОЕЗД

«Уходит мой поезд, уходит...
Лев Щеглоп

Проходит в купе новосел,
Попутчики весело бродят,
Мой поезд еще не ушел,
Но что-то как будто уходит.
И вот из вагона в тайгу,
Оставив дорожную скуку,
С оглядкой на поезд бегу
К газетным пакетикам с клюквой.
А поезд!

Не будет он ждать,
Как локти, задвижутся поршни,
Мне только бы в тот миг добежать,
Схватиться за ржавые поручни.
И к черту базар,

суету

В ее треволненьях дорожных,
Потом ты навряд ли на «Ту»
Состав уходящий догонишь.
Бегу я, тревогою полн,
И прыгают шпалы, как годы...
Мой поезд еще не ушел,
Но что-то как будто уходит.

Нам о многом сегодня напомнят
Разноцветные искры огня,
Эти жаркие жгучие молнии,
Что, как током, пронзают меня.
И летят к нам, алея, навстречу,
Зажигаясь со всех концов,
Эти звезды пятиконечные
На буденовках красных бойцов.
И высокие чувства рождаются,
И стоишь, почти не дыша,
Словно сабельным блеском гражданской
Озарилась сквозь годы душа.
Салютуем тому, что свято,
Пусть взлетают букеты звезд,
Как в том памятном сорок пятом,
И... не надо стесняться слез!

ПИСЬМО

Мальчишки влюбляются свято
В учительниц первых своих.
...Куда же, куда его спрятать,
То чувство, как солнечный миг?
Что делать им с этой любовью?
Как выстрел, она,

как беда...

Пишу письмо Соколовой
В сороковые года.
Ложится за строчкою строчка,
Черкаю и снова ловлю
На синем тетрадном листочеке
Щемящее слово «люблю».
В нем тайная скрытая сила,
В нем сладость мальчишечьих мук,
Как будто все чувства вместились
В пять этих пленительных букв.
Оно созревало, как яблоко,
Пронзительным светом мания,
Где Вы, Антонина Яковлевна,
Помните ли меня?
Зачем Вы, зачем уехали
Вслед за ветрами солеными?
Стучат каблучки, словно эхо,
Из детства, войной опаленного.
...Мальчишки влюбляются свято,
Приходит любовь, как беда...
И пусть своего адресата

Письмо не найдет никогда.
Но Вам благодарность сыновнюю
Я в годы далекие шлю —
За ласку в то время суровое,
За жгучее слово «люблю».
За то, что по-прежнему светятся
Те годы любви и мечты,
Что ищем мы в наших ровесницах
Учительниц первых черты.

Поступки,
мысли
и слова,
Одни и те же
не однажды
Приходят к нам...
и синева
Над головой кружится та же.
И даже та же игра страстей,
И та же грусть,
и те же обиды,
И выраженье лиц друзей —
Все это я как будто видел.
И тот же свет,
и тот же цвет,
И те же люди и творенья...
Эхоха — это повторенье
Событий,
судеб,
зим и лет.
И та же боль,
и та же быль...
Ну так чего ж тогда я сетую,
Ведь, значит, я когда-то был,
Да только вот в каком столетии?

НА СЕНАТСКОЙ ПЛОЩАДИ

Еще плывет в толпе восторг
И звон кандалный не брякает,
Еще не следует в острог
В санях графиня Трубецкая.
Не грянул гром судьбы пока,
Еще в промозглой зимней стуже
Солдат Московского полка
Выводит сумрачный Бестужев.
Утих сановный шум карет,
Как рекам, думам растекаться...
Безмолвно строгое каре
На гулкой площади Сенатской.
А до свободы — два шага,
Но трудно их сейчас осилить...
Кругом в глубокие снега
Была закована Россия.
Еще миг светлый вдалеке —
И не дожить им до рассвета...
И у Каховского в руке
Дымится дуло пистолета.

ГОРЯЧИЙ ЦЕХ

В больших котлах
помешивая солнце,
В брезентовой штормовке
рыжий бог
То утренней зарей в окно ворвется,
То вдруг закатом выкрасит порог.
Он высекает радугу,
как искру,
От древнего гигантского костра,
Где мы сидим друг к другу
близко-близко
Ночь напролет до самого утра.
И в переплясе,
грозном и игривом,
Мне с каждым мигом
чудится сильней,
Как горький ветер раздувает гривы
Степных, тревожно скачущих коней.
А вдруг стихия вырвется упрямо,
Заполонит и мир весь,
и меня?..
Но верю я в джигита,
что арканом
Надежно держит красного коня.

СНЫ

В час,
когда ночью
метель в трубах греется,
Сны к нам приходят,
как сложные ребусы,
Жаль, что проснувшись,
под самое утро
Все вспоминается
очень уж смутно.
Где-то под утро
дальние-дальние
Видятся мне голубые костры,—
Знаю:
в предутренний час не дремали
Прадедов сторожевые посты.
Мне б у огня их
однажды погреться,
Что-то понять в мудрой скучности слов,
Только уходят их тени, как детство,
Тихо —
в тревогу полуночных снов.

Сверстницы мои! Вы вырастали,
Как березки на хмельном ветру.
Дайте же на вас из дальней дали
Я глазами детства посмотрю.

И листая юность, словно томик,
И склоняясь перед вами ниц,
Видно, вас я буду вечно помнить,
Милых русокосых озорниц.

Об одном прошу я, чуть волнуясь:
Если выюги заметут ваш след,
То, пожалуйста, почаше в юность
Вы спускайтесь по крылечку лет.

И куда ж вас судьбы разбросали,
Где же вы встречаете зарю?
Дайте же на вас из дальней дали
Я глазами детства посмотрю.

Сжигают прошлогоднее жнивье
И сладко тянет горьковатым дымом.
Ничто не умирает, а живет
В траве,

солодке и корнях — незримо.
В огне равно все — и добро, и зло.
Хохочет пламя.

Дерзко стебли свищут.
О, как по кругу весело пошло
В замысловатом танце

корневище.
В каком-то веке так и я сгорю
И поплыту дымком над

светлым лугом,
И, превращаясь в алую зарю,
Пройду, смеясь,

в последний раз по кругу.
Сжигают прошлогоднее жнивье,
Но только как бы пламя в нем

ни пело,
Ничто не умирает, а живет
И прорастает песнею из пепла.

БЫВШИЙ ДРУГ

...И через боль я вижу ясно
Сквозь холодок его лица,
Что бывший друг порой опасней
Беды,

ненастя

и свинца.

Всегда на свете будет зыбкой,
Хоть сколько раз ее не множь,
Способность прятать за улыбкой
И лед предательства,

и ложь!

В ДОРОГЕ

Освистан ветрами привычно
Горчащий полынью простор,
Проводит смычком электричка
По бешеным струнам опор.
Где тот полустанок знакомый,
Для сердца родимый приют,
Где « зайцы » по крышам вагонов
Бесстрашно из детства бегут?
Мелькнет то лесок, то деревня,
То лошадь, везущая воз.
И будут ту память деревья
Закидывать шапками гнезд.

ГРОЗЕ НАВСТРЕЧУ

Даль потемнела —
из огня и стали.
У дня и ночи где-то на границе,
Войну напомнив,
сабельно сверкали
За горизонтом дальние зарницы.
Радары молний шарили сурово
По небу зыбкому
цветами страха...
Казалось, из ракетных установок
Гроза по травам луговым бабахнула,
Давая жизнь цветам, посевам, полю,
Погожим дням, малиновым рассветам,
И радостно дышалось грудью полной,
И засекать не надо те ракеты.
Шагая в полный рост грозе навстречу,
Я видел: тучу луч пронзает тонкий,
И, перекинув радугу на плечи,
Боится небо расплескать девчонка.

ОТЕЦ

Ну что поделать в самом деле,
Когда ему намного легче,
Дремать всю ночь
не на постели,
А сидя,
прислонившись к печи.
Он спал в такой же точно позе
Под нестерпимый вой фугасов,
Когда по Ладожскому озеру
Вез сутками боеприпасы.
Теперь он часто среди ночи,
В пороховые те — руля,
Стоная, яростно бормочет:
«А ну, правей держи руля!».
А лед надтреснутый ломается,
Чернеет зыбкая вода,
...Отец с войны не возвращается
И.. не вернется никогда.

ЦИКЛОН

Ждем гонцов —

весенних гостей,

Поднимающих в небе трезвон,

И спешит караван гусей,

И на гусях играет он.

Только льдом рассвет опален,

Снег косой летит на поля.

Неуклонно клонит циклон

Ртутный столбик ниже нуля.

Первых птиц обманул апрель,

На весенний настроив лад...

За окном —

то ль метет метель,

То ли гуси с весной летят.

Степь запуталась в снежных вожжах,

Степь подернулась тихо мглой,

Но ведет свою стаю вожак

На последний раунд с зимой.

ВИТЯЗИ

Небо синее вытеснив,
Гордо,

в самую высъ,
В парке белые

ВИТЯЗИ

Изо льда поднялись.

Бросив в сторону книжки,

Целый день — вот беда! —

Озорные мальчишки

Здесь играли тогда.

Из-под снежной шрапNELи

На конях боевых

Дружелюбно смотрели

Три героя на них.

Три былины,

ПОЭМЫ...

И блистали сильней

В алом зареве шлемы

Да уздечки коней.

В острых солнечных вспышках,

Приходя к ним из снов,

Брали штурмом мальчишки

Города из снегов.

И как в песне, неправду

Будут сабли рубить,

За рекой,

За Непрядвой,

Рати вражьи губить.

Припекает их солнце,—
Вроде б март, а не май!—
Пляшет снежная конница,
Отступает Мамай.
И со смехом, со смехом
Брызжет солнце на снег.
Тают, тают доспехи
Незаметно для всех.
Но печали не выразив,
Через те города
За собою нас витязи
Увели навсегда.
И пропали их шлемы,
И исчезли мечи...
Лишь над парком весенним
Солнце точит лучи.

Куда ведут далекие просторы,
Проселочные ниточки дорог,
Какою песней эхо небу вторит
И отчего задумчив я и строг?
Как мил душе
Полет ковыльной пряди,
Опор ажурных непрестанный бег,
Не здесь ли шли когда-то наши прадеды
Под скрип и громыхание телег?
И в сердце грусть, как облако нахлынет,
Нелегким был переселенца путь...
Какие руки эту степь полынную
Смогли так щедро миру распахнуть?
Сплетенье ветра и дорог не пройденных,
Шуршанье ковыля и птичий грай.
Нет ничего вокруг —
Есть только Родина
Да неоглядный, милый сердцу край.
Есть даль полей, печальная немногого,
И ветер, что за поворотом стих,
Да столбовая дальняя дорога
Вдоль берегов колосьев золотых.
И с этой далью,
в огоньках таинственных,
Чтоб ни случилось —
радость иль беда,
Я ощущаю вечное единство,
На все мои грядущие года.

НАСТЯ

На рассвете 10 июня 1918 года
в числе двадцати двух большевиков
в Четом логу в Петровловске
была расстреляна 18-летняя Настя Прокофичева.

О чем мечтают в восемнадцать
В круженье утренней земли,
Когда спустя лишь миг
раздастся,

Как горький выдох жизни:
— Пли!

Когда коса поет тугая,
Движенья девичьи легки,
Когда рассветы смяв,
шагают

По незабудкам сапоги.

Но выпрямляются,
не сломаны

Цветы на дальних берегах,
Горька травинка в нецелованных
И чуть прикушенных губах.
Ах, незабудки,

незабудки...

Пролился в поле неба цвет,
Чуть наклониться в свежесть утра,
В последний раз нарвать букет.
Тихонько сунуть конвоиру

Записку маме

и цветы...

А зори, что встают над миром,
Непогрешимы и чисты.

Но красоту

земную сдунуть

Напрасно хочет Пятый лог.

Сейчас возьмет на мушку юность,
Затвором щелкая, стрелок.

Так значит не увидеть больше
С извечным трепетом в груди,
Как солнце пляшет в светлых рощах,
Как тихо падают дожди.

Не захлебнуться синим небом,
Чтоб закружила голова...

...Идут в бессмертье,

а не в небыль,

Чеканным шагом двадцать два.

За спину руки их заломлены,
Но выше смерти,

крепче уз

«Вставай проклятьем заклейменный»—
Срывается с горячих уст.

Что на прощанье крикнуть звонко
В траве скользящему лучу,
Когда холодные винтовки
Казаки вскинули к плечу?
Свинцом рассвет тяжелый брызжет...
«Ра-а-вн-я-йсь!»—
Застыла вражья рать,

...Но есть мгновения у жизни,
Когда не страшно умирать.
В степи

под выстрелы прицельные
Поплыл «Интернационал»...
Упала, обнимая землю,
И поднялась... на пьедестал.

СОДЕРЖАНИЕ

В степи	5
Суховей	6
Станция детства	7
Черный жаворонок	9
Трактор на пьедестале	11
У крутого яра	12
Катер на Ишиме	14
Взгляд из-под ладони	16
«Задаем себе вопрос...»	18
«И сколько тайн...»	19
Пятый океан	20
В тридесятом	22
«С радостью щемящей...»	23
Гуси	24
«Не дрогнула охотника рука...»	25
Строчка	26
Заклинание	28
Синоптики	29
Последний сноп	30
Классики	31
Горькая линия	32
Кукушка	33
Гудят века ветрами вещими	34
«Что ты на прощанье мне сказала?..»	36
Подкова	38
«Карнавал устраивает осень...»	39
Встреча	40
Вьюга	41

Последний круг	42
«Нас вечно в странствия влечет...»	43
Русским женщинам	44
Неотраженный свет	45
Телеграмма	46
«Задувает ветер...»	47
Поезд	48
«Нам о многом сегодня напомнят...»	49
Письмо	50
«Поступки, мысли и слова...»	52
На Сенатской площади	53
Горячий цех	54
Сны	55
«Сверстницы мои...»	56
«Сжигают прошлогоднее живье...»	57
Бывший друг	58
В дороге	59
«У возраста свои календари...»	60
Грозе навстречу	61
Отец	62
Циклон	63
Витязи	64
«Куда ведут далёкие просторы...»	66
Настя	67

Владимир Георгиевич Шестериков

КАТЕР НА ИШИМЕ

стихи

ИБ № 862

Редактор *Л. Степанова*

Художник *К. Жубаниязов*

Худож. редактор *Г. Баянов*

Техн. редактор *Р. Винокурова*

Корректор *С. Сулейменова*

Сдано в набор 29.11.78. Подписано к печати 05.04.79. Формат 60×90^{1/32}. Бумага тип. № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 2,25. Уч.-изд. л. 1,99. УГ23735. Тираж 7000 экз. Заказ № 154. Цена 20 коп. Издательство «Жалын» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480003, г. Алма-Ата, ул. Гоголя, 111. Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480046, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.

20 κ.